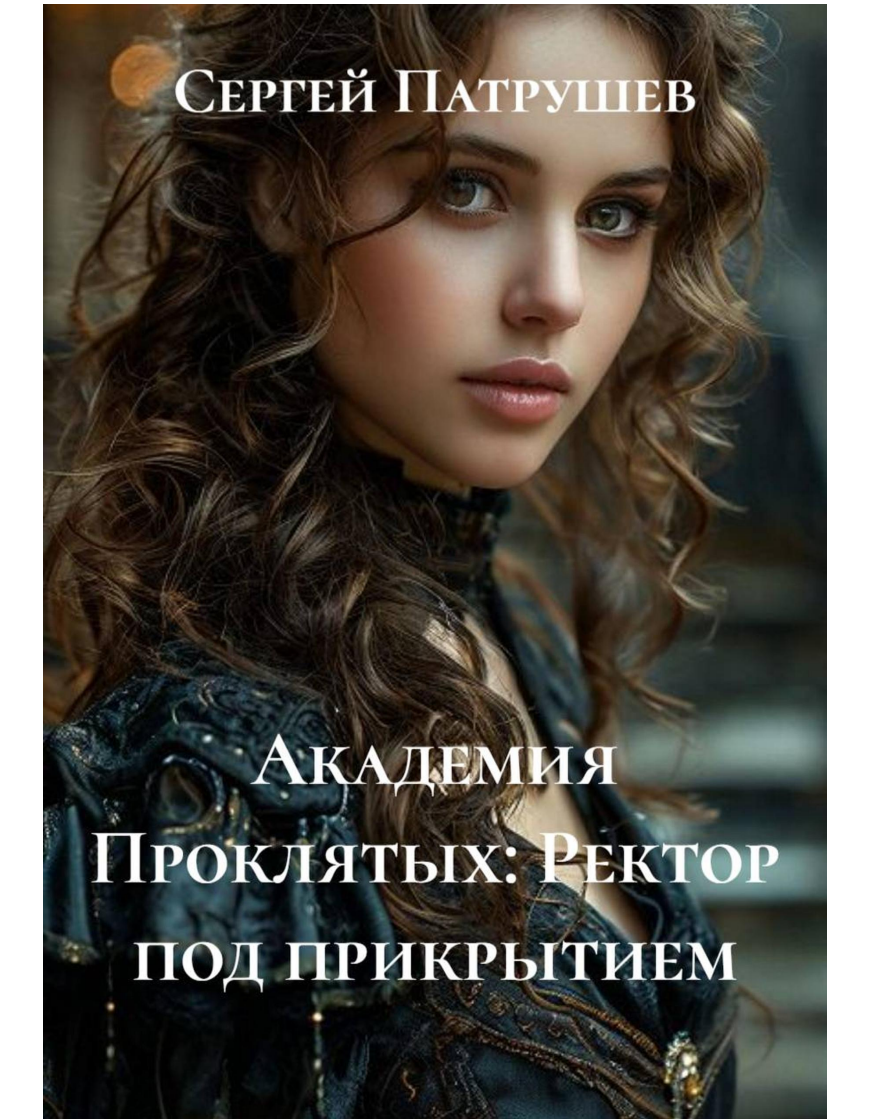

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

АКАДЕМИЯ
ПРОКЛЯТЫХ: РЕКТОР
ПОД ПРИКРЫТИЕМ

Сергей Патрушев

Академия Проклятых:

Ректор под прикрытием

<https://litres.ru/74355329>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эвис потеряла всё: дом сожжён, родители казнены по обвинению в запретной магии, а сама она чудом избежала костра. Единственное убежище — Академия Проклятых, мрачная цитадель, где носят маски, скрывающие ауру, а тёмные искусства не караются, а изучаются, но ректор, холодный и неприступный Данте Морроу, с первого взгляда понимает: она не та, за кого себя выдаёт. Он знает её тайну. И у него на неё свои планы.

Когда древнее зло, запертое под Академией, начинает вырываться на свободу, а Инквизиция идёт по следу, Эвис предстоит сделать выбор: бежать, спасая себя, или остаться и сражаться рядом с тем, кто одновременно пугает и притягивает, но цена этого союза может оказаться выше, чем она готова заплатить. Ведь её сила способна не только поглощать чужие проклятия, но и уничтожить её саму.

Содержание

Глава 1. Пепел на ветру	4
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сергей Патрушев

Академия Проклятых:

Ректор под прикрытием

Глава 1. Пепел на ветру

Запах гари, казалось, преследовал её, как неумолимый, бесплотный призрак, чьи ледяные пальцы невидимой удавкой обвивались вокруг шеи, сжимая горло до хрипоты и не позволяя сделать полный, глубокий вдох, и Эвис с холодящим душу, всепоглощающим ужасом понимала, что теперь этот запах навсегда станет неотъемлемой частью её самой — не просто смутным, постепенно тускнеющим воспоминанием о пережитой трагедии, но и неким незримым, выжженным на самой её сути клеймом, которое будет сопровождать её до конца отмеренных дней, как бы отчаянно ни старалась стереть его из памяти.

Даже сейчас, когда старый дом, в котором она выросла и была счастлива, остался далеко позади, за чёрным, непроницаемым провалом ночного леса, за холмами, усеянными остывающими, ещё тлеющими углями, за извилистой, холод-

ной рекой, которую она перешла вброд, отчаянно цепляясь за скользкие, покрытые тиной камни, этот запах не отпускал её, впитываясь в расширенные от страха поры кожи, смешиваясь с едким потом, засохшей кровью и дорожной грязью, превращаясь в тошнотворный, приторный аромат безысходного отчаяния. Она бежала, не разбирая дороги, ведомая лишь животным инстинктом выживания, хотя босые ноги давно превратились в сплошное месиво из пульсирующей боли, нечеловеческой усталости и кровоточащих ссадин, а легкие горели так, будто она сама проглотила то самое адское пламя, которое сожрало её детство, оставив после себя лишь горький вкус потери на губах и всепоглощающую пустоту где-то глубоко внутри.

Ветви низко нависающих деревьев безжалостно хлестали по лицу, оставляя на бледных щеках длинные багровые полосы, острые, словно ножи, сучки царапали худые плечи, а подол некогда белоснежной ночной рубашки, и без того разорванный в клочья, постоянно цеплялся за выступающие из земли корни и колючий сухостой, но она почти не замечала этих мелких ран, потому что вся её воля была сосредоточена на одной-единственной, жизненно важной цели — бежать без оглядки так быстро, как только позволяли ослабевшие от первобытного ужаса и перенапряжения ноги.

Каждый судорожный вдох отдавался в груди надсадным,

свистящим хрипом, похожим на предсмертный стон раненого, загнанного охотниками зверя, а перед глазами, несмотря на непроглядную ночную темноту, стояла одна и та же картина, яркая, словно выжженная калёным железом на внутренней стороне века: мать, вскинувшая руки в последнем, полном отчаяния жесте, чтобы создать перед дочерью стену из ревающего огня, отделившую Эвис от безжалостных преследователей и отец, чей голос, удивительно спокойный и твёрдый, прозвучал сквозь грохот пламени, как тихая молитва: «Беги, Эвис. И никогда не оглядывайся».

Она оглянулась, потому что человек так устроен, что его всегда тянет посмотреть в глаза собственной трагедии, даже если это причиняет невыносимую, разрывающую душу боль. На вершине далёкого холма, там, где когда-то стоял их старый, увитый зелёным плющом дом с покосившейся черепичной крышей и вечно скрипучими деревянными ставнями, теперь клубился огромный, зловещий столб дыма, подсвеченный снизу алым, пульсирующим светом, словно бьющееся сердце какого-то чудовищного, мифического зверя, пожирающего всё живое на своем пути.

Этот столб был похож на грязное, расплзающееся пятно на бархатном предрассветном небе, усеянном холодными, равнодушными звездами, которые мерцали так, словно им не было никакого дела до того, что внизу, на земле, ру-

шится целый мир, и это безразличие вселенной ранило сильнее, чем все физические страдания вместе взятые. Эвис заставила себя отвернуться, и это стоило ей невероятных, почти сверхчеловеческих усилий, потому что каждая клеточка её измученного тела кричала о том, чтобы остаться, принять смерть вместе с ними, но холодный, расчетливый разум, прорывавшийся сквозь пелену горя, шептал: «Ради них нельзя».

Её босые, израненные ноги скользили по влажной от утренней росы траве, оставляя на серебристой поверхности едва заметные следы, которые к рассвету, она отчаянно надеялась, исчезнут под первыми теплыми лучами солнца, а густая кровь из глубокого пореза на ноге стекала вниз, смешиваясь с чёрной грязью и превращаясь в тёмную, липкую жижу, но она не останавливалась, потому что остановиться означало умереть, а умереть она не имела права. Только не после того, как они пожертвовали всем, что у них было, ради неё, только не после того, как мать отдала свою жизнь, чтобы выиграть для неё несколько драгоценных секунд форы, только не после того, как отец улыбнулся ей на прощание той самой нежной, ободряющей улыбкой, которой встречал её каждый вечер, когда она прибегала из сада с охапкой полевых цветов. Она должна была жить ради них.

Обвинение, прозвучавшее из уст инквизиторов, было ложью, чудовищной, нелепой, чудовищно сфабрикованной ло-

жью, созданной теми, кто никогда не знал её семью, не говорил с ними и не хотел знать правды. Проклятия, запретная магия, сговор с тёмными силами — все эти слова звучали как абсурдная выдумка, рождённая в воспалённом мозгу того, кто отчаянно искал виноватых, чтобы отвести подозрения от самого себя и успокоить разъяренную толпу. Её отец, Эдрик, был целителем — тихим, замкнутым человеком, который всю свою жизнь провёл, изучая свойства целебных трав и безвозмездно леча крестьян в округе от всех болезней, какие только можно вообразить.

Он никогда не брал платы с бедных, отдавал последние запасы лекарств тем, кто нуждался в них больше, и никогда, ни единого раза в жизни, не произнес ни одного слова, которое можно было бы счесть магическим заклинанием. Мать, Лианна, была артефактором — женщиной, создававшей простые амулеты для защиты скота от мора и дома от молний, незамысловатые вещицы, которые продавались на местных ярмарках за медяки. Они были добрыми, мирными людьми, и сама мысль о том, что они могли плести зловещие проклятия, казалась Эвис настолько абсурдной, что она не могла даже осмыслить её до конца.

Но Инквизиция пришла не за правдой, она пришла за ними, движимая слепой, фанатичной яростью и неутолимой жаждой крови, умело замаскированной под благочестие и за-

боту о духовной чистоте. Им нужен был козёл отпущения, виновный в неурожае, поразившем их край, в таинственной болезни, косившей скот, в череде смертей новорождённых, и кто-то должен был понести наказание, чтобы толпа успокоилась и вернулась к своим повседневным заботам. Выбор пал на семью, жившую слишком уединенно, хранившую слишком много старых, пыльных книг и говорившую шёпотом о вещах, которые не следовало произносить вслух в эти тёмные времена, когда любое неосторожное слово могло привести на костер. Они были удобной, беззащитной мишенью и это делало их виновными.

Эвис споткнулась о выступающий из-под земли корень и упала, больно ударившись коленом об острый камень, спрятавшийся под толстым слоем прелых листьев и слезы брызнули из глаз, горячие и солёные, но она сжала зубы, подавив крик, готовый вырваться из груди, потому что тишина теперь была её единственным союзником. Погоня могла быть совсем близко, и любой звук мог выдать её с головой, а стражи Короны, сопровождавшие инквизиторов, не остановятся, пока не найдут её, пока не раздавят последний росток этой семьи, которую они объявили вне закона. «Дочь обязательно пойдет по их стопам», — услышала она обрывок фразы, брошенной кем-то из них, когда дом уже догорал, и эти слова врезались в её память, как осколок стекла. — «Сжечь всё, чтобы и корня не осталось». Она была этим корнем, по-

следним корнем семьи, которую они хотели вырвать из этого мира, и осознание этого факта наполняло её одновременно ужасом и странной, мрачной решимостью.

Лес постепенно редел, уступая место каменистым склонам, поросшим чахлым кустарником, и вскоре Эвис вышла на тропу, ведущую вниз, в долину, где, как она помнила по рассказам отца, проходил главный тракт, соединявший северные провинции с центром. Где-то там, внизу, лежала дорога, по которой днём и ночью шли караваны, грохотали повозки, брели нищие и странники, и если она выйдет на неё в таком виде, её тут же заметят, остановят, спросят, кто она и откуда, а она не сможет соврать достаточно убедительно, потому что ложь никогда не была её сильной стороной. Но и оставаться в лесу было нельзя — к рассвету ищейки возьмут след, и тогда всё будет кончено. Ей нужно было затеряться, стать невидимой, раствориться в толпе, исчезнуть так, словно её никогда не существовало, но для этого требовалось чудо, а чудеса в этом мире давно не случались.

Она опустилась на землю, обхватив колени руками, и попыталась думать, несмотря на усталость, путавшую мысли и превращавшую голову в звенящую пустоту. Ей было шестнадцать лет, у неё не было ни денег, ни документов, ни друзей, готовых укрыть её в трудную минуту, а все, кого она знала, жили в деревне, которая с ужасом смотрела, как горел их

дом, и ни одна живая душа не протянула бы ей руки помощи, потому что страх перед Инквизицией был сильнее любых человеческих привязанностей. Никто не рискнет своей жизнью ради неё, и она не могла их винить, потому что понимала: каждый заботится о себе, когда на кону стоит голова.

И тут, словно вспышка молнии, пронзившая тьму отчаяния, в её памяти всплыли слова матери, сказанные давным-давно, в один из тех тихих вечеров, когда мир казался вечным и неизблемым. Лианна рассказывала ей сказку на ночь, и Эвис, уже почти засыпая, слышала, как мать шепчет о месте, где собираются те, кто родился с Тьмой в крови. «Академия Проклятых», — прошептала тогда мать, и в её голосе Эвис уловила странную смесь страха и благоговения, словно она говорила о чём-то запретном и одновременно прекрасном. — «Они не спрашивают, откуда ты. Они не смотрят на твоё лицо. Они смотрят только на твою силу». Эвис тогда рассмеялась, посчитав это очередной выдумкой, каких много в сказках, но теперь эти слова прозвучали в её голове как спасительный плот, протянутый ей посреди бушующего океана.

Академия Проклятых — место, где принимают изгоев, где тёмные искусства не караются, а изучаются, где, как говорили шёпотом в тёмных тавернах, студенты носят маски, скрывающие их ауру от посторонних глаз, и никому нет де-

ла до того, кем ты был до поступления. В толпе проклятых её точно не будут искать, потому что ищейкам и в голову не придет, что дочь целителя, обвиненного в запретной магии, осмелится постучаться в двери самой мрачной академии королевства. Это было безумием, чистым, отчаянным безумием, но другого выхода у неё не было, и Эвис, стиснув зубы, решила, что попробует. Попробует добраться до этого места, даже если для этого придется ползти на коленях через все королевство.

Но как туда попасть? Где она находится? Эвис прикрыла глаза, силясь вспомнить обрывки легенд и слухов, которые она слышала на ярмарках от бродячих торговцев и пьяных наёмников, и постепенно картина начала складываться, как мозаика из осколков. Академия находилась где-то на севере, в горах Кер-Морран, окутанных вечным туманом, непроницаемым для солнечных лучей, и путь туда был неблизким — несколько недель пешего хода, если не больше, через дикие леса, бурные реки и каменистые перевалы. Но выбора не было, и Эвис, поднявшись на ноги, сделала первый шаг в неизвестность, решив, что лучше умереть в дороге, чем сдаться и позволить им победить.

Тропа вывела её к тракту, когда небо на востоке начало сереть, окрашиваясь в бледные, акварельные тона, и Эвис при- таилась в кустах на обочине, вглядываясь в пустую дорогу,

которая тянулась через долину, как серая лента. Тишина была такой глубокой, что казалось, она звенит в ушах, и каждый шорох листвы звучал как выстрел, заставляя её вздрагивать и замирать. Первые лучи солнца окрасили горизонт в бледно-розовый цвет, осветив унылый пейзаж, и Эвис, дождавшись, когда станет совсем светло, выбралась из укрытия и, пригнувшись, быстро перешла дорогу, углубляясь в лес на другой стороне. Она решила идти параллельно тракту, чтобы не потерять направление, но оставаться незаметной, как тень, скользящая между деревьями.

Дни слились в один бесконечный, мучительный марафон, наполненный голодом, холодом и страхом, который стал её постоянным спутником. Эвис шла ночами, ориентируясь по звездам, а днём пряталась в оврагах, под корнями упавших деревьев, в заброшенных сараях, которые изредка попадались на пути, и каждое утро она просыпалась с мыслью о том, что этот день может стать последним. Она питалась ягодами, грибами, которые научилась отличать благодаря урокам матери, и водой из ручьев, ледяной, обжигающей горло, а иногда ей удавалось выпросить кусок хлеба у сердобольных крестьянок на околицах деревень, но она старалась делать это как можно реже, чтобы не оставлять следов, по которым её могли бы выследить. Её некогда длинные светлые волосы свалились в колтун, кожа покрылась грязью и царапинами, ночная рубашка превратилась в лохмотья, сквозь кото-

рые просвечивало исхудавшее тело, и она больше не была похожа на дочь почтенного лекаря — она была похожа на призрака, которым, в сущности, и стала.

На десятый день, когда силы были уже на исходе, а надежда начала таять, как утренний туман, она наткнулась на группу торговцев, направлявшихся в город у подножия гор, и, спрятавшись в телеге с сеном, она проехала часть пути, сэкономив драгоценные силы, которые таяли с каждым днём. Именно от них, из их болтовни, перемежающейся смехом и проклятиями в адрес неровной дороги, она узнала, что Академия Проклятых — не легенда, которую рассказывают детям, чтобы напугать их перед сном. Что она действительно существует, высеченная в скалах над городом Тал-Морд, мрачная и величественная, как гнездо хищной птицы. Что её ректор, известный как Ворон, — могущественный маг, чьё имя не произносят вслух, потому что считается, что оно приносит несчастье. И что набор в Академию проходит раз в год, в день осеннего равноденствия, когда граница между мирами истончается и магия становится особенно сильной. Эвис замерла в сене, боясь выдать себя неосторожным вздохом, и почувствовала, как сердце забилось быстрее. День осеннего равноденствия был через неделю. Она успевала, но успеет ли она попасть в число студентов?

Ответ на этот вопрос она не знала, но знала, что долж-

на попробовать, потому что иначе всё было напрасно, иначе жертва родителей была бессмысленной, а этого она не могла допустить.

Тал-Морд встретил её серыми стенами, мрачными башнями и вечным, пронизывающим холодом, идущим от гор, которые нависали над городом, как застывшие каменные волны. Город был построен у подножия отвесной скалы, и его жители, казалось, постоянно смотрели вверх, на парящий над ними шпиль Академии, окутанный туманом, который никогда не рассеивался. Эвис шла по узким улочкам, мощённым булыжником, чувствуя, как сердца людей, бросающих на неё мимолетные взгляды, наполняются отвращением и страхом, как они отворачиваются, чтобы не видеть её, как мать прижимает к себе ребенка, когда она проходит мимо. Нищие, бродяги, изгои — они были здесь привычны, но она, сама того не осознавая, несла на себе метку, метку трагедии, пепел которой всё ещё витал вокруг неё невидимым облаком, отпугивая людей сильнее, чем любой зловонный запах.

Ворота Академии находились на северной окраине города, там, где начиналась крутая, вырубленная в скале лестница, поднимавшаяся вверх, в туман, к самому сердцу гор Кер-Морран. Когда Эвис добралась до них, ноги у неё подкашивались, а перед глазами плыли круги, и она прислонилась к холодному камню стены, чтобы не упасть, чувствуя, как гру-

бая поверхность царапает спину. Ворота были огромными, сделанными из чёрного железа, покрытого рунами, от которых веяло древней, пугающей силой, и за ними не было видно ничего, кроме сгущающейся тьмы, которая, казалось, пожирала свет даже на расстоянии. Эвис слышала биение собственного сердца — гулкое, отчаянное, отдающееся в висках, — и думала о том, что пришла, после голода, холода и страха, она стояла у цели. Но что дальше? Постучать? Крикнуть? Развернуться и уйти?

Пока она стояла, погружённая в свои мысли, ворота дрогнули, и это произошло так внезапно, что Эвис вздрогнула, отступив на шаг. Без скрипа, без предупреждения, они начали медленно расходиться в стороны, словно приветствуя её, словно они знали о её приходе и ждали, когда она наберется смелости. Сначала она не увидела ничего, кроме тьмы, плотной и осязаемой, но потом, из этой тьмы, словно соткавшись из неё самой, появилась фигура. Высокая, закутанная в чёрный плащ, который струился по земле, как жидкая ночь, с бледным, невозмутимым лицом, на котором не отражалось ни единой эмоции, ни тени чувства, ни намёка на то, что он вообще способен испытывать что-либо. Но не лицо привлекало к себе взгляд Эвис, не эта маска ледяного спокойствия, а его глаза, глаза, подобные двум осколкам льда, в которых плясало холодное пламя, живое, пульсирующее, всепоглощающее.

Они смотрели прямо на неё, проникая в самую душу, выворачивая наизнанку все её страхи, боль, ложь, и Эвис почувствовала, как по спине пробежал ледяной озноб, пробирающий до костей. От него веяло силой, не просто силой, а первозданной, всепоглощающей мощью, от которой воздух, казалось, застывал в лёгких, превращаясь в ледяные кристаллы. Он был ректором, и Эвис поняла это без слов, по той ауре, что распространялась вокруг него, сковывая всё ледяным кольцом. Ворон. Имя из страшных сказок, которыми пугали детей, теперь стояло перед ней во плоти, и реальность оказалась гораздо страшнее любых выдумок.

Эвис хотела заговорить, но язык прилип к гортани, и все слова, которые она репетировала все эти дни — растворилось в ледяном безмолвии его взгляда. Она стояла, как загнанный зверь, застывший под взглядом охотника, и чувствовала, как дрожат колени, немеют руки, сердце, кажется, останавливается, а потом снова начинает биться, но уже с каким-то надрывным, паническим ритмом.

Он не произнес ни слова, просто смотрел, и в этом молчании было больше смысла, чем в любых речах. А потом уголок его губ едва заметно дрогнул, и в его глазах промелькнуло нечто, похожее на холодное, оценивающее любопытство, словно он увидел в ней нечто, чего не ожидал. Он чуть скло-

нил голову набок, изучая её грязное, измученное лицо, лохмотья, босые, разбитые ноги, и Эвис показалось, что он видит её насквозь, видит пепел на её волосах, кровь на её руках, пустоту в её душе на месте дома и семьи. И от этого взгляда ей стало по-настоящему страшно, впервые за всё время бегства она почувствовала, что стоит на пороге чего-то, что может оказаться страшнее смерти.

Ветер, прилетевший с гор, взметнул полы его плаща и развеял пепел, всё ещё невесомо висевший в её волосах, унося его в темноту, растворяя в тумане. Ректор, наконец, заговорил, и его голос, тихий, но пронизывающий, прокатился по пустой площади, как раскат грома, заставив Эвис замереть. «Ты пришла, — произнес он, и это было не вопросом, а утверждением, словно он знал о её приходе задолго до того, как она сама решилась на этот шаг. — Ступай внутрь». Эти два слова звучали как приговор, приглашение и предупреждение одновременно, и Эвис, всё ещё дрожа, но уже не имея сил сопротивляться, сделала шаг вперёд, пересекая невидимую черту между светом умирающего дня и вечной тьмой, клубившейся за воротами. Пепел её прошлой жизни остался за спиной, развеянный ветром, а впереди была только она, одна, в окружении неизвестности. И ледяной взгляд человека, который, как она чувствовала, уже знал о ней всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.